

Люди в моём доме, от хозяев до последнего подметальщика, все как один умели мастерски обходиться с посланцами из дворца. В доме Ши Ичжи дела обстояли хуже. Его родителей задержали в их же резиденции на целый день люди, посланные Государем выразить сочувствие, и выбраться они смогли лишь к вечеру. Когда они наконец пришли ко мне за Ши Ичжи, было уже совсем темно.

Темнота была не страшна. Страшны были я и Ши Ичжи.

Между нашими семьями существовала давняя связь, и члены семьи Ши могли свободно бродить по моему двору, не утруждая себя объявлениями. Когда родители Ши Ичжи вошли в комнату, он лежал, положив голову мне на руку, слегка вздремнув. Его голова покоилась у меня на шее, а тёплое дыхание щекотало кожу.

Мне стало неловко, и я попытался сдвинуть его голову. Но моя здоровая рука была занята, а раненой я не мог толком пошевелить. Я толкал его несколько раз, но лишь разбудил.

Ши Ичжи, ещё в полусне, открыл глаза, повернулся и — к несчастью — его передние зубы со стуком столкнулись с моими. Если говорить проще — мы столкнулись губами.

Именно в этот момент родители Ши Ичжи вошли в комнату. Его глаза сначала уставились на отца с матерью, затем, после долгой ошеломлённой паузы, перевели на меня, после чего расширились от ужаса. Он резко, с чувством, вцепился зубами мне в губу. Должно быть, зрелище было душераздирающим — фонтаны крови и всё такое.

Отец Ши Ичжи, потирая глаза, сквозь зубы процедил: «Вот почему вы двое, молодые, так изо всех сил старались сорвать свадьбу, которую я устроил с семьёй Хэ...»

Авторское примечание:

Что там у нас с погодой сегодня, а?

Тайно спрашиваю, почему слова «вытащить» тоже подвергаются цензуре... QAQ

Старый Ши верил в одно правило: лучше один раз увидеть. К тому же слухи о Ши Ичжи и мне в светских кругах ходили не самые лестные. Увидев же такую откровенную сцену, старик Ши был потрясён не на шутку. Лицо его побелело сильнее, чем у отравленного Ши Ичжи.

На это прозрение старика Ши ни я, ни Ши Ичжи не нашли что возразить. Не знаю, о чём думал Ши Ичжи, но я от потрясения просто онемел.

Казалось, прошла всего секунда, но, возможно, несколько часов, прежде чем я вспомнил, что нужно что-то сказать. Я открыл рот, но понял, что губы онемели от укуса Ши Ичжи и уже изрядно распухли.

Ситуация повисла в неловком молчании.

К счастью, старик Ши не обладал вспыльчивым нравом моего отца. К несчастью, он был куда более строгих правил.

Старик Ши не стал размахивать тростью. Он лишь молча забрал Ши Ичжи. На пороге он обернулся и бросил на меня многозначительный, очень долгий взгляд.

«Если Лань что-то сделала не так, — сказал он, — будь снисходителен».

Я поспешно поклонился с подобострастной улыбкой. «Что вы, что вы...»

Семья Ши ушла, оставив меня одного в опустевшей комнате.

Стояло уже лето. Провожая их, я заметил, что в саду пышно расцвели маки. Их тонкие стебли переплетались, колышимые ночным ветерком, и алый цвет заливал добрую половину двора.

Я лежал на кровати, касаясь распухших губ. В темноте я ворочался, вновь и вновь переживая случившееся. В голове проносились обрывки событий, а затем я погрузился в череду странных снов о Се Цзине.

Во сне я словно вернулся на несколько лет назад, на праздник Фонарей. Се Цзин, одетый в серебряный шёлковый халат, вышел из толпы и, приблизившись, склонился в изящном поклоне. Затем он медленно поднял голову, но черты его лица начали расплываться, а веер в руке превратился в веер Ши Ичжи. Охваченный паникой, я увидел, как рядом возник худощавый слуга с лицом, напоминающим обезьяню мордочку. Он расплылся в улыбке и крикнул: «Эй, хочешь жареный вонючий тофу?»

Едва он закончил, как голова Се Цзина превратилась в белый, нежный, идеально квадратный кусок тофу, водружённый на шею. Зрелище было до глупости комичным. А слуга тем временем продолжал назойливо предлагать: «Эй, хочешь жареный вонючий тофу?»

Я вздрогнул от вида Се Цзина-тофу и резко проснулся. Было уже светло, а рана на губе покрылась коркой. Выходит, я незаметно заснул.

Государь велел мне беречь себя и освободил от утренних собраний на пять дней, но я восстановился быстро — после сна чувствовал себя бодрым и полным сил. Одеваясь, умываясь и завтракая, я спросил Дядюшку Линя: «Когда вернутся мои родители?»

Дядюшка Линь проворно подложил мне ещё еды. «Послезавтра. Но в пути они задержатся на пару дней».

Я кивнул, откусил полбулочки и положил остаток обратно. Не потому что наелся, а потому что губы болели. Губы у Ши Ичжи оказались мягкими... зато зубы — острыми. ...Не дело, не дело. В такое прекрасное утро мне думать о Ши Ичжи. Склонность к мужчинам — это одно, а вот к кому именно — совсем другое. Се Цзин был суровым уроком, доказавшим, что на этом пути, если относиться к делу серьёзно, а не как к забаве, чаще всего ждёт плохой конец.

Отношения между нашими семьями, да и между мной и Ши Ичжи лично, уж точно ни к чему хорошему не приведут.

Раз уж ничего хорошего не выйдет, я не должен из-за того, что Ши Ичжи попытался прикрыть меня от стрелы, переносить на него те смутные чувства, что я когда-то питал к Се Цзину. Это будет для него губительно. Лучше положить этому конец. С этого момента я не только не должен втягивать других, но и сам обязан выбраться на берег. Возможно, мой отец был прав — настоящая удача в том, чтобы держать в объятиях нежную и тёплую женщину, а вокруг пусть бегают ребятишки.

Нежная и тёплая, нежная и тёплая... Моя генеральская жена, Ши Лань, — это то, о чём мне и мечтать не следует. Домашних трогать нельзя. Так где же искать эту самую «нежность и тепло»?

Я расправил спустившиеся рукава, сбросил прядь волос на лоб и улыбнулся своему отражению

в зеркале. Неплохо. Довольно статен и даже слегка щеголеват. Если не считать кровавой корки на губе, с виду я и впрямь был способен сбивать с пути. Я хлопнул по столу. «Дядюшка Линь, я выйду прогуляться, пообедаю на улице». Подумав, добавил: «Возможно, и поужинаю тоже на улице. Возможно... возможно, даже не вернусь сегодня ночевать».

Дядюшка Линь холодно наблюдал за моей суетой, но не преминул уточнить: «Молодой генерал, вы на Восточную улицу пойдёте или на Западную?»

Я нахмурился. «На Восточную! В Башню Ваньюэ!»

Услышав «Восточную улицу», Дядюшка Линь вдруг оживился, расплылся в улыбке и почтительно посторонился. «Ступайте, ступайте. На сегодня ужин для вас готовить не буду».

Меня почти вытолкали за дверь, и я по привычке направился на Запад. Дойдя до половины пути, я остановился как вкопанный. Сяхоу Цянь, что с тобой? Только что решил завязать с мужчинами, и вот опять плетёшься на Западную улицу? Говорят, Бай Лю вернулся в Павильон Чэньян. Если я сейчас появлюсь там, не подумают ли, что я специально ищу встречи с ним? Такого недоразумения допустить ни в коем случае нельзя.

Осознав это, я развернулся и зашагал на Восточную улицу. Дела в весёлых кварталах кипят по вечерам, днём же клиентов мало. Я шёл, то прибавляя, то сбавляя шаг, и наконец переступил порог заведения. Хозяйка, позёвывая, вышла меня встретить. Я впервые был в Башне Ваньюэ и одет был просто, поэтому она приняла меня за рядового посетителя. «Господин, что привело вас сюда так рано? — спросила она. — Неужто страсть одолела, а собственные пальцы не помогают?»

Я вздохнул. Наверху несколько девушек, едва прикрытых одеяниями, опёрлись на перила и хихикали. Их лица были белы, как нефрит, щёки розовы, а сонный вид весьма привлекателен.

Не получив ответа, хозяйка прищурилась, разглядывая мою разбитую губу, и уголки её глаз задрожали от едва сдерживаемого смеха. «Поняла, — сказала она. — Домашняя слишком строптива, не справляешься? Не бойся, наши девочки все как одна — мягкие да покладистые. Выбирай любую, что сердцу мила».

Я посмотрел наверх и, покраснев, ткнул пальцем в одну из девушек в изумрудном платье. «Её».

Хозяйка снова улыбнулась, размахивая платком. «Чжу-эр, слышала? Беги прихорашивайся, готовься к гостю!» Затем она повернулась ко мне, и цветок в её волосах затрепетал от смеха. «Господин, вы, я смотрю, у нас впервые. Позвольте рассказать вам правила — у нас за дневной визит к девице полагается доплата...»

Вот же сукины дети! Мошенники, что в одном, что в другом деле!

Но раз уж девушку выбрал, нужно доводить начатое до конца. Сбежать на полпути — уронить лицо. Перед лицом грядущих утех я слегка струхнул. Ноги мои запутались в полах халата, и, переступая порог будуара, я едва не растянулся во весь рост.